

А. В. Тонковидова, П. Е. Бойко*

СОБОРНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ П. ФЛОРЕНСКОГО И С. Н. БУЛГАКОВА: ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Статья посвящена рассмотрению соборности у П. Флоренского и С. Н. Булгакова через раскрытие их концепций на основе диалектики. Соборное единство в обществе присутствует и актуализуется в разных формах своего диалектического развития. Исходя из диалектического подхода, в учениях П. Флоренского и С. Н. Булгакова авторами определяются три этапа раскрытия категории соборности: на уровне своего бытия, на уровне сущности, на уровне понятия в соответствующих им типах социальностей: как церковная социальность, светская социальность, церковно-светская социальность. Соборность актуализуется в формах государственного устройства от феодальной до анархии, типах личностей от религиозной, духовной личности церковной социальности, коллективной, греховной личности светской социальности к соборной личности церковно-светской социальности, которым дается развернутая характеристика. В статье изучается возможность диалектического перехода от одного уровня соборности к другому и отражение соборного принципа в социальной действительности, и диалектические противоречия, возникающие из присутствия разных типов социальностей в одном историческом пласте социальной реальности.

Ключевые слова: П. Флоренский, С. Н. Булгаков, соборность, диалектика, бытие, сущность, понятие.

A. V. Tonkovidova, P. E. Boyko

*SOBORNOST IN THE PHILOSOPHY OF P. FLORENSKY AND S. N. BULGAKOV:
A DIALECTICAL APPROACH*

The article is devoted to the study of sobornost in the works of P. Florensky and S. N. Bulgakov based on dialectics. Sobornost in society is present and actualized in various

---

* Тонковидова Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»; tonkovidova@mail.ru

Бойко Павел Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Кубанский государственный университет; pboyko@mail.ru

forms of its dialectical development in the teachings of P. Florensky and S. N. Bulgakova at the level of her being, at the level of essence, at the level of concept in the corresponding types of socialities, such as church sociality, secular sociality, church-secular sociality. Sobornost can be realized in a certain social reality in the forms of state organization from feocracy to anarchy, types of personalities from the religious, spiritual person of church sociality, collective, sinful person of secular sociality to the sobornaya person of church-secular sociality, which gives a detailed description. The article examines the possibility of a dialectical transition from one level of sobornost to another, and the reflection of the conciliar principle in social reality, and the dialectical contradictions arising from the presence of different types of socialities in one historical layer of social reality.

Keywords: P. Florensky, S. N. Bulgakov, sobornost, dialectics, being, essence, concept.

С. Н. Булгаков и П. Флоренский — два философа, которые создали философские системы диалектического раскрытия категории соборности. Соборность в современном нам обществе может быть рассмотрена как категория, отражающая нравственный, социальный идеал, на котором могут быть основаны социальные нормы. С. Н. Астапов рассматривал философские концепции мыслителей с позиции отрицательной диалектики, давая им сравнительную характеристику [1, с. 54–58; 2, с. 38–56]. Ф. И. Гиренок изучал в сравнении философские воззрения мыслителей в свете спора о Софии [7, с. 103–112]. Диалектические основания в булгаковском учении обозначаются О. В. Сениной, Б. Галлахером [11, с. 40–43; 16, с. 95–134]. В текстах П. Флоренского антиномизм в раскрытии философской концепции был отмечен Д. Горячевым, С. Б. Егоровой [8, с. 38–58; 9, с. 197–202]. Диалектику теократии и соборности работ П. Флоренского изучала Н. Б. Шевелёва [15, с. 145–149]. Но в представленных исследованиях не было реализовано систематического структурирования по типам, раскрытия категории соборности в ее диалектических актуализациях. Целью нашего исследования выступает раскрытие значения категории соборности посредством рассмотрения философских учений П. Флоренского и С. Н. Булгакова, определение в их концепциях общего и особенного через рассмотрения диалектического подхода мыслителей к изучаемому вопросу и определение уровней диалектического раскрытия категории соборности в ее актуализации в разных типах социальностей.

Флоренский пишет, что в одном историческом пласте могут быть две социальности: церковная с «церковной историей» и светская. Диалектически противопоставляясь, раскрываются соборность и лжесоборность, которой соответствует «лжерелигиозное сознание» и утрата свободы, замена ее «грехом» [14, с. 133]. С. Н. Булгаков отмечает, что истины христианства раскрываются диалектически [3, с. 188]. П. Флоренский пишет, что смысл диалектики — в целостности, отсутствии отдельности, каждая часть диалектического развертывания рассматривается как «живой слой». Диалектика — «мысль нарастающая», живая и свободная мысль диалектична. Каждое новое постижение служит новым определением в диалектике соборности, и только конкретная мысль, определяющая соборность на уровне понятия, может быть мыслью диалектической. В основе диалектики, по Флоренскому, лежит «Я конкретное», обозначающееся, на наш взгляд, на уровне понятия в церковно-светской социальности [13, с. 138]. П. Флоренский религиозно-упорядоченную жизнь,

понимаемую как «связное целое», с многообразием функций, сравнивает с диалектикой, в которой также многообразие ведет к единству [13, с. 142].

Флоренский рассматривает на основании диалектических принципов развитие общества, выделяя в качестве принципа развития понятие «обязанности», считая его «условием взаимодействия отдельных частей множества» [12, с. 196]. Цель деятельности — установление актуального единства, которое может быть основано на двух противоположных, но не противоречивых принципах: анархическом и иерархическом. Анархический и иерархический принципы могут быть присущи как церковной, так и светской социальностям. На их основе могут возникнуть такие формы общественного устройства, как анархия и феократия (или Бого-правление) не противоречивые формы, а противоположные [12, с. 198]. Иерархические формы и анархические формы, по Флоренскому, — это разные формы сущности, рассматриваемой нами как соборность. Установлению феократии мешает существование зла, определяемое Флоренским как «бескорыстное зло», соответственно, установлению полной анархии — существование добра. Прогресс добра идет параллельно с прогрессом зла, в обществе присутствуют противоречия, выделяемые Флоренским: кротость — жестокость, альтруизм — эгоизм, добро — зло [12, с. 200].

Флоренский определяет три формы иерархического устройства общества как ступени на пути к феократии. Это Римская республика, которая основывалась на принципе внешнего, принудительного закона, юридическом принципе, который, по мнению Флоренского, отрицательно определяет деятельность элементов общества, мы можем ее отнести к светской социальности и соборности на уровне сущности [12, с. 197]; католическое всеединство, основанное на принципе авторитета и внутреннем законе, который положительно, по мысли Флоренского, определяет деятельность элементов общества; и «духовное христианство», основанное на принципе мистическом, божеском, безусловно детерминирующем деятельность элементов социума, т. е. безусловном принципе, определяемом нами как церковная социальность и соборность на уровне бытия [12, с. 198]. Основываясь на текстах С. Н. Булгакова, можно отнести к соборности на уровне ее бытийности первохристианство, папскую теократию, протестантизм [3, с. 198, 199].

Соборность как бытие — это «вечное обожение», а соборность как сущность, отрицающая соборность, — это «вечное уничтожение» [14, с. 65]. Соборность как бытие в философии П. Флоренского проявляется через видение догмата, отрицание его рассудочности, рациональности. Целью узнавания догмата выступает его данность. Приобщение к Истине догмата Церкви, по Флоренскому, происходит двуступенчато: символически и непосредственно. С. Н. Булгаков считал, что соборность актуализовалась в первохристианстве через догматы как опытные истины. Происходит перенесение понятия соборности из сферы абстрактной в сферу живого жизненного прожития, определение соборности на уровне ее бытия. Большую роль в данном процессе играет разумная интуиция, благодаря которой человеку возможно постижение трансцендентной Божественной истины [14, с. 63]. Трансцендентную возможность воспринимают как действительность повседневного существования, повседневного опыта. Самоочевидность истины выносится Флоренским за пределы рассудка, в этом случае возможно преодоление антиномичности.

Бытийному уровню соборности присуща обозначаемая П. Флоренским «живая вера». Гносеологический аспект соборности проявляется в интуитивном приобщении к трансцендентному [14, с. 65]. С. Н. Булгаков пишет, что познание религиозной трансцендентности предполагает «религиозный путь», отличный от рационального познания [5, с. 43]. Этот путь предполагает идущие со стороны Бога «чудо, благодать, свободу» [5, с. 45].

По П. Флоренскому, человек реализует свободный выбор или в пользу соборности с Богом, или Троицей, или — умирания вне Бога, вне Троицы, причем выбор этот связан с неуверенностью, недостоверностью, непроверяемостью Истины [14, с. 66]. К «живой вере», через которую возможна ситуация соборного единства с Богом, человек приходит через «предельное отчаяние». Истина выступает как разум, добро, сила, жизнь, счастье, влечет отказ от всякого сомнения в ее истинности через отказ от «само-утверждения», выход из «само-замкнутости» [14, с. 68].

На определяемом нами уровне соборности как бытия находится описываемая Флоренским «духовная личность», «оплотненная личность», «открытая личность» с таким типом социальной идентичности, как «подвижник», который складывается в процессе социальной идентификации «подвижничества» [14, с. 72, 177, 181, 271]. С. Н. Булгаков определяет в церковной социальности как тип личности «религиозную личность» [3, с. 342]. «Религиозная личность» создается в процессе «странствования» [3, с. 189]. Нужно отметить, что «подвижничество» было рассмотрено С. Н. Булгаковым на уровне соборности как понятия в церковно-светской социальности. У П. Флоренского «подвижничество» раскрывается на уровне соборности как бытия, в церковной социальности. В ее основе «подвиг» [14, с. 292]. В соборном единстве с Богом человек ставит на свое место Бога, «неведомого, но любимого» [14, с. 68]. Флоренский сравнивает это с отходом от бездны и вбеганием на мост, который может обрушиться [14, с. 68]. Истина становится безусловной, человек отказывается от ее доказательства, что является подвигом и жертвой. Флоренский обозначает термином «подвижничество» путь личного опытного прихождения к Богу, постижения Бога, достижении, на наш взгляд, соборной истины [14, с. 72]. Подвижничество — это творчество «духовно-воспитательное» и «художественное» [14, с. 225]. Познание — это живое общение личностей, познание возможно личностью другой личности. Познание — это всегда выход за пределы познающего [14, с. 74].

Для достижения соборности в ходе «подвижничества», на наш взгляд, необходима определяемая Флоренским как «со-действие» любовь, через которую непосредственно раскрывается Бог [14, с. 75]. Знание и радость вторичны, любовь первична, т. к. она объединяет. Любовь — онтологическое понятие [14, с. 76]. Познание Истины — это вхождение в пределы Божественного всеединства, при котором происходит «обожение» человека в любви, через актуализацию красоты [14, с. 74, 75]. Первая стадия интуиции — «абсолютная любовь». Бог есть любовь, пишет Флоренский [14, с. 71].

По С. Н. Булгакову, своего рода революцией было появление в церковной социальности первохристианства личности, которой был присущ христианский индивидуализм [3, с. 327]. П. Флоренский, обращаясь к вопросу личности, раз-

личает два понятия: «лицо» и «вещь» [14, с. 78]. Между «вещами» возможно сходство, подобие, а между «личностями» — тождество. Чистая личность — Бог — идеал «само-построения». Личность, отделяющая себя от «вещности», способна к отождествлению [14, с. 79]. «Личный» характер личности свойственен, на наш взгляд, «подвижничеству». Тождество личности, которая находится на уровне соборности, возможно через единство «само-построяющей», «само-полагающей» деятельности. Это соборность, раскрытая на уровне бытия в церковной социальности в деятельности «само-созидающей», творческой, выход из «само-замкнутости», становление, через отрицание закона тождества, «живым центром» деятельности [14, с. 80].

Дать определение можно лишь вещи, дать определение личности, по Флоренскому, невозможно, т. к. она трансцендентна всякому понятию, источником ее выступает мир трансцендентного. По Флоренскому, можно лишь дать личности символ [14, с. 83]. Содержание этого символа может быть не рассудочным, а лишь переживаемым на уровне бытийного значения соборности. «Бого-уподобление» личности есть красота [14, с. 84]. Флоренский находит еще одно понятие, характеризующее личность на уровне соборности как бытия, — это «само-собрание» [14, с. 86].

Но нужно отметить и слова Флоренского о том, что это «само-собрание» в любви Церкви предполагает «отъединение», отстранение от чуждого Церкви мира. Церковная социальность у Флоренского, также как и у С. Н. Булгакова, устремлена в мир трансцендентного, отгораживаясь от всего имманентного. Явно определяется водораздел между имманентным и трансцендентным. Есть личное обращение к Богу через интуитивный, непосредственный акт прихождения к Божеству, Троице, достижение единства.

Церковной социальности свойственны «Едино-мыслие», которое делает возможным признание догмата «едино-сущия» [14, с. 87]; «духовная философия», «философия личности и творческого подвига» [14, с. 80]. В церковной социальности определяется уже в непосредственном прожитии, на наш взгляд, связь между внутренним единством верующих, осуществляющаяся в любви, в преодолении границ «самости», в «выходении из себя», добровольном выходе из своего рубежа, нормы своего бытия, добровольном подчинении новому образу [14, с. 91, 92]. Таким образом, преодолевая закон тождества, любящий, в Боге, отождествляет себя с объектом своей любви, поднимаясь к Богу.

Для данного уровня соборности как бытия у Флоренского характерны надвременность и надпространственность, выход в вечность, устремленность в вечность [14, с. 93]. У С. Н. Булгакова здесь можно найти «отрешенность, отчуждение» от мира, попытку в определенную историческую эпоху создать внеисторическую социальную реальность, или антиисторизм [3, с. 400; 5, с. 236].

У Флоренского соборность выносится за рамки имманентного мира, переход к «едино-сущему» любящих в Боге [14, с. 93]. У С. Н. Булгакова — это выход в Божественное Ничто [5, с. 264]. Интересна мысль Флоренского о «двоице» — двуедином существе, как состоянии человека, возникающем через отказ отдельных людей от своего Я ради другого. Эта «двоица», по Флоренскому, является переходом к соборному, единому состоянию с Богом, через разрыв оболочки своей «само-замкнутости». «Двоица» — конкретно-воплощенная

любовь в бытийном, на наш взгляд, существовании соборности [14, с. 93]. Флоренский выделяет еще такое направление достижения соборности, как «само-исправление», связанное с собиранием всех сил ума, воли, чувства, или «само-собирание», ведущее к состоянию «очищенной личности» [14, с. 100].

Флоренский пишет, что одиночество «подвижника» — путь к высшему единению, достижению состояния соборного единства в мире трансцендентном с Богом. «Подвижника» мы можем определить как тип социальной идентичности на уровне церковной социальности у Флоренского. Для «подвижника» характерно преодоление «само-упорного Я», через него, общение с ним возможно приобщение к Божеству [14, с. 100]. Жизнь «подвижника» направляется духом святым, «едино-сущее» [14, с. 110]. «Подвижник» у Флоренского черпает силы в истоках первохристианства, устремляясь в мир трансцендентного, не погружаясь в повседневность, будничные труд, скуку, тоску, характерную для повседневности [14, с. 111]. Непонимание и незнание своей небесной природы большинством людей приводит к тому, что они погружены в историю, повседневность. «Странничество» С. Н. Булгакова предполагает внеисторизм, временность, неустойчивость, отсутствие исторической перспективы, негативное отношение к материальному миру, оппозицию, борьбу с ним, возникающие из глубины религиозных переживаний [3, с. 267]. Флоренский пишет о том, что пока идет история, возможны лишь моменты озарения Духом, а полная «духо-носность» означала бы конец истории [14, с. 112].

«Подвижник» Флоренским отождествляется с «иноком», который уходит от мирской жизни, в имманентной ему действительности он узревает знамения и символы Бога, у него возможен переход в мир трансцендентного [14, с. 275]. Оторванность от мирского, социального, надвременность — одни из главных характеристик данного типа социальности, личности, идентичности [14, с. 281].

У Флоренского мы находим идею «избранности» — он говорит о том, что лишь для избранных отдельных людей возможно озарение духом. В эти моменты происходит поднятие над временностью, переход в вечность, конец истории, который ведет к соборному единству с Богом [14, с. 112]. Лишь избранным, или «подвижникам», доступна возможность избегания смертности в вечности божественного всеединства, соборности [14, с. 112]. Подвижнику свойственно «нетленное тело», «нетленный ум» [14, с. 274]. В текстах С. Н. Булгакова мы находим определение моноидеизма, определяющего «избранность», надобщественность сферы церковной социальности [3, с. 286]. «Избранность» проявляется, по С. Н. Булгакову, в первохристианстве, аскетической теократии средневековья, протестантизме [3, с. 193, 220, 222].

Состояние соборности, или, как Флоренский его называет, будущее царствие, лично и общественно будет возможным, когда будет познано Всеединство Троицы [14, с. 128]. Опыт жизни в церковной социальности открывает духовную свободу [14, с. 144]. Истина соборная постигается через «подвиг» [14, с. 161]. Дело «соборного рассудка» — собрать осколки в полноту соборной истины [14, с. 161]. Полнота и соборность истины в имманентном человеку мире, по Флоренскому, лишь обозначаются через рассудочную деятельность. Соборность постигается лишь соборным духом [14, с. 162]. Только в религиозном опыте, по мнению Флоренского, возможны преодоление разделенности

мира и личное приобщение к Богу, соборной истине [14, с. 162]. Для соборности в форме бытия характерны дефиниции самоопределения «я живу», «я делаю», «я говорю» [14, с. 174, 175]. Свойственны трезвость и бодренность [14, с. 175]. «Подвижнику» свойственны «цело-мудренность», «здрavo-мудрие» — органическое единство цельности личности [14, с. 180], искренность, открытость, непосредственность, стыдливость [14, с. 181]. Целомудрие ведет к «блаженству», оправданию, покою, бессмертию [14, с. 180, 191]. Церковную социальность «подвижник» реализует свою жизнь «по закону», реализуя тем самым красоту, добро и истину. Эмпирическая природа человека определяется в системе мыслей, чувств, желаний, действий, она должна быть соткана из веры, надежды и любви [14, с. 224, 229]. Флоренский дает характеристику «подвижнику», которая заключается в том, что в «его ощущении нет похоти», в познании подвижника «нет горделивости» [14, с. 274]. Подвижник, по Флоренскому, преодолевает «необузданность» в материальном и интеллектуальном мире. Бытийный характер соборного единства проявляется в церковной социальности в видении мира «естественным», «полным конкретной жизни» [14, с. 295].

Превосходство человека над животными состоит в его способности познавать и уразуметь и воспринять целостность и соборность вселенной, созданной Богом [14, с. 281].

Подвижник, отделяя себя от мирского, надеется на спасение и обновление для «твари», у него возникает чувство свободной ответственности за «героев», сочетаемое с ощущением полного бессилия, связанного с тем, что невозможно преодолеть свободный «грех» героев, умаляя тем самым их свободный выбор [14, с. 281]. Подвижнику не свойственны раздражение и нервозность, присутствует в нем «святой гнев» по отношению к «извращению естества». Любя людей, не любит «тварного» светской социальности [14, с. 296]. «Подвижничество», по текстам Флоренского, можно увидеть лишь в опыте, через опыт, внешние определения будут поверхностными [14, с. 291].

Флоренский проводит сравнение между «подвижничеством» иудейским и «подвижничеством» христианским, делая вывод об их кардинальном различии [14, с. 291]. Иудейское «подвижничество»: отчаяние; бегство от мира, чтобы спрятаться; оно уныло, основано на вести о зле, которое царит над миром; дает превосходство; исходит от человека; «гнушается тварью», добивается магических сил над нею, т. к. человек не свободен в самоопределении.

Христианское «подвижничество»: уловка; уход от мира, чтобы стать чистым и побеждать; оно радостно, основано на благой вести о победе над злом мира; дает святость; исходит от Бога; «влюблено в тварь»; ненавидит «грех». «Подвижник» прямо не воздействует на «тварь», у подвижника Флоренский выделяет чувство «влюбленности» в тварь [14, с. 297]. «Тварь» сама должна, в соответствии с трансцендентными основаниями соборности преодолеть свою греховность, свободно самоопределившись по отношению к Творцу.

С. Н. Булгаков пишет, что через аскетизм, рассматриваемый как цель деятельности, оторвавшись от мира, можно только и узреть его красоту [3, с. 300]. По П. Флоренскому, суть аскетизма у «подвижника» — идея «обожения», идея «святого тела» и «святого духа» [14, с. 292]. Уважение института брака [14, с. 295]. Флоренский отмечает важность труда, трудовой идентификации

[14, с. 292]. Аскетизм проявляется в восприятии «красоты твари» [14, с. 310] и рассматривается Флоренским как продолжение харизматизма. Венчает аскетический подвиг «подвижника» аскетический подвиг всего «церковного человечества». Цель подвига в достижении «нетления» и обожения плоти через стяжание духа [14, с. 310]. «Подвижник» кроткий, незлобивый и чистый, достигается это состояние через покаяние [14, с. 342]. Спасение достигается в единосущии с церковью [14, с. 343]. По мысли П. Флоренского, сама жизнь отсеивает верных и неверных, определяет церковность человека; мы можем отнести это к церковной социальности и соборности на уровне бытия [13, с. 138].

Соборность, или актуальное единство, основанное на принципе анархическом, может быть мнимым, стихийным, «статистическим», законосообразным, его Флоренский определяет, как человекобожеское, или антропократическое [12, с. 198]. К типам такого единства Флоренский причисляет протестантство, которое мы можем отнести к церковной социальности; республику, социалистическую общину, относимые нами к светской социальности; за отсутствие в них иерархичности в духовной, юридической, экономической жизни. Эти характеристики Флоренский приписывает анархическому строю, «внутренне нестройному, однообразному в дробности» [12, с. 198]. Отказ от норм, поиск естественной гармонии организмов ведет к деградации общества, которая возникает вследствие того, что его жизнь строится на основе внешних закономерностей [12, с. 198]. Флоренский пишет, что «самоуничтожение» — результат анархического самоутверждения общества. Личность, как часть такого общества, стремится стать всем, но в итоге часть поглощается целым [12, с. 199]. В основе анархического строя лежит принцип эгоизма и отказа от нормы [12, с. 199]. У С. Н. Булгакова соборность, проявляющаяся как сущность, актуализуется в «языческой теократии», новом времени «гуманистической теократии» с религией демократического человекобожия, «внешнего механического социализма», капитализма [5, с. 629, 634; 6, с. 35].

Для анархического строя, или определяемой нами светской социальности, характерен «философский идеал» — внешняя схема, навязанная, безжизненная; формальность и идеал для самого себя «высокой личности» он конкретен, но окрашен случайностью и не присущ личности каждого человека, не может быть рассмотрен как образец [14, с. 232].

У С. Н. Булгакова личность сводится к «безличным рефлексам экономических отношений» «коллективной личности» [3, с. 209, 338].

Флоренский пишет, что только Бог — идеал каждого человека, его «основание» [14, с. 233]. Флоренский определяет два типа «смещения центра существования человеческого», раздробленности личности и называет их мистикой головы, когда личность утрачивает цельность, соборность за счет «горделивого ума», и мистикой чрева «переразвитие органической жизни» в светской социальности в форме соборности как сущности [14, с. 274]. Таким образом, у Флоренского можно выделить две характеристики антисоборной, или обозначенной нами «коллективной личности» на уровне светской социальности — «само-утверждение», «само-замкнутость» — греховная «самость», ставящая человека на место Бога [14, с. 68]. По С. Н. Булгакову, определяется «внерелигиозный индивидуализм» [3, с. 327]. Отход от Бога, отрицание бы-

тийной соборности в светской социальности (Флоренский связывает этот процесс с началом Ренессанса, символически рассматривая это на примере картины «Мона Лиза») [14, с. 171].

Для светской социальности у Флоренского характерно такое состояние личности, как «недухновенность», «само-обольщение». «Духо-носность» подменяется субъективным душевным творчеством [14, с. 133]. У личности на уровне соборности, как сущности в светской социальности, формируются «исступленность, восторженность, мечтательность, экзальтированность». В булгаковских текстах мы можем найти такие характеристики «коллективной личности», как «максимализм и мессианизм», «гордыня», неустойчивость, недисциплинированность, неадекватность [4, с. 286, 287, 301]. Формирование личности осуществляется посредством восприятия религии человекобожия, на основе политического «моноидеизма» [4, с. 272-285].

Для, выделяемой нами светской социальности, по Флоренскому, характерно понятие «вещь», «вещность», к «вещности» приводится на уровне соборности как сущности и категория «лицо», т. е. оно «овеществляется», понимается абстрактно [14, с. 78]. Уровню «вещности» присуще «вожделение», уровню «лица» — «любовь» [14, с. 78]. Тождество вещей возможно через тождество «понятий». «Вещность» личности, на наш взгляд, характерна для уровня светской социальности и соборности как сущности, которой свойственно «само-равенство», в наборе собственных признаков, подчиненность закону тождества [14, с. 80]. Булгаков пишет, что личность теряется на фоне общественного в выделяемой нами светской социальности [4, с. 296].

Для светской социальности, на наш взгляд, характерны определяемые Флоренским «плотская философия», рациональная «греховная личность», «рыхлая личность», «скрытная личность», «высокая личность» с типом социальной идентичности «герой» — светская социальность [14, с. 80, 177, 181, 232]. В основе — «грех». Светская социальность предполагает отступление от закона, зло, ложь, безобразие. Грех состоит в нежелании выйти за пределы своего Я, к другому, к Богу, главный грех — в «само-упорстве самости» [14, с. 177]. Отрицание соборности происходит через грех. Личности на уровне светской социальности в отрицании Бога, свойственно состояние «развращенности», «двойственности», что является причиной «не-счастья» [14, с. 180, 184, 188]. Для соборности на уровне сущности характерны «грех, суэта, муки, смерть» [14, с. 191]. Грехи препятствуют свободной деятельности человека, закрывают его от Бога [14, с. 176]. Бесстыдство и цинизм сопровождают «греховную личность», отрицающую соборное единство [14, с. 181]. Духовная отъединенность, эгоизм, личность раскрывается как «само-упорствующее» существо [14, с. 93, 161]. Сходные характеристики дает личности на данном уровне С. Н. Булгаков — авантюризм, революционность, экзальтированность [4, с. 290].

«Само-утверждение» личности, которая пытается стать «Богом», — причина ее распада, оскуднения внутренней жизни. Любовь, рассматриваемая Флоренским онтологически, делает возможным единство личностное [14, с. 173]. Но стремление личности жить без Бога, устраиваться помимо Бога, само-определяться против Бога приводит к рассыпанию, дроблению общества и личности, безумию, утрате любви [14, с. 173]. Флоренский называет «грехом»

момент распада соборности в личности, утрату способности к творчеству и свободному выбору, возникновение ситуации, когда человеческая личность попадает под власть своих же состояний [14, с. 174]. Этому состоянию свойственны растерянность и потерянности, смута духа и не-раскаянность, не соблюдение самих себя, сонливость, нетрезвость, ослабление само-соборности духа. Для соборности в форме противоречивой сущности характерны дефиниции «со мной делается», «со мной происходит», «слова говорятся» [14, с. 174,175]. Подобномыслие определяется в светской социальности [14, с. 87].

Для личности характерна «не-устроенность», потеря реальности творческого Я, потеря свободы [14, с. 175]. Данному типу социальности свойственны цинизм, при котором вся социальная реальность воспринимается как объект для горделивого переустройства [14, с. 293], а также эвдемонизм и отрицание института брака [14, с. 294].

В светской социальности «греховная личность» отделяет себя от мира, пренебрегает им, пренебрегает трудовой деятельностью, важной, с точки зрения Флоренского, для прихода к Богу [14, с. 292]. В соборности на уровне сущности в светской социальности отрицается естественный мир, «мир конкретной жизни», как пишет Флоренский, «в сущности, свое само-утверждающееся Я, и гнушается всем «естественным», живым» [14, с. 295]. Происходит отрицание жизни и создание искусственного мира, механического, своего мира, искусственного государства, революционной государственности, искусственной религии [14, с. 296]. Падение твари — в выхождении из небесного дома в несоответствии эмпирического раскрытия подобия Божьего.

«Человечество не может быть не раздробленным, если не руководится высшими началами», оно само построило стену между собой и высшими началами [13, с. 547]. В светской социальности Флоренский выделяет две формы отказа от Бога: «острую духовную инфекцию» и «хроническое заражение», приводящие к отождествлению религии и нравственности [13, с. 547]. Нравственность в этом случае — всего лишь внешние, случайные детерминанты, руководящие поведением в обществе [13, с. 547, 548]. Возникает противоречие на уровне соборности как сущности, или полный отказ от «христианской морали», или отказ от антихристианской культуры [13, с. 548]. Признание в светской социальности греховности естественным и правильным состоянием человека — главное противоречие [13, с. 548].

Для светской социальности Бог — «гипотеза», которая утрачивает свою актуальность и значимость по мере развития культуры. Человек самообожествляется [13, с. 548]. Объединение возможно в «гуманистической пустоте» [13, с. 553]. На уровне светской социальности, обозначение которой произошло в Новое время, возникает, по мнению Флоренского, следующая цепочка, религия утрачивает свою определяющую функцию в социуме: проповедь терпимости к различным религиям — безразличие к религии — «методологическая» враждебность к религии, связанная с общей установкой культуры «познавание через отрицание» с частицей «не» [13, с. 538, 539]. В светской социальности приверженность религии определяется, по Флоренскому, или через воспитание, или через исторические навыки, или через социализацию [13, с. 539]. Религия лишается единящего смысла в связи с тем, что нет глубокого познания

религии, а присутствует лишь внешнее констатирование религиозного [13, с. 540]. Светской социальности свойственна «рассудочная вера», которая связана с человеческим эгоизмом желающим подчинить себе Бога [14, с. 64]. В этой ситуации на первый план выступает «самость» человека, устанавливающего законы сверх Божественной воли [14, с. 65]. Человек, объятый «рассудочной верой», обременен гордыней, желанием заменить собою Бога, встать на его место. Флоренский определяет это как «самозванство» и «самовольство», которое ведет в итоге к «рассыпанию» личности в «само-утверждении», «само-уничтожении» [14, с. 65].

Религиозный мир в светской социальности раздроблен в связи с тем, что нет знания религии [13, с. 543]. В русской православности Флоренский выделяет два момента: естественную психологию русского народа и вселенскую церковность. Флоренский отмечает идею «избранности» у русского народа, который сам себя, по его мнению, делает кумиром. «Вера в быт превыше требований духовной жизни», вера в этнические свойства превалирует [13, с. 544]. Уверенность в том, что народ может избежать «духовного подвига» в приближении к Богу, устанавливается в светской социальности, на наш взгляд, — «фамильярность» с Богом, ложное, по мнению Флоренского, отождествление этничности и церковности [13, с. 544]. Здесь Флоренский также выстраивает цепочку, которая свойственна светской социальности: церковное вытесняется этническим, а этническое — греховным [13, с. 546]. Таким образом, выделив этническое христианство в светской социальности, Флоренский отмечает, что наряду с ним присутствует «вселенская церковность», что, на наш взгляд, делает возможным через диалектическое противоречие приход к церковно-светской социальности.

Анархия и феократия не противоречивые формы, а противоположные [12, с. 198]. Их установление было положено нежелательным, недопустимым, неприменимым [12, с. 199]. В обществе не могут установиться как полная анархия, так и полная абсолютная феократия. Для устранения противоречий общества необходимо, по Флоренскому, разграничить сущность и форму явления. Нормальное общество относится не к соборности на уровне противоречивой сущности. Флоренский пишет, что нормальное общество относится не к известной нам человеческой природе и человеческой жизни, а к иной природе и иной жизни — трансцендентной [12, с. 203]. По Флоренскому, в установлении нормального общества мы вынуждены мыслить тождественную себе сущность жизни и человеческой природы, проявляющуюся, на наш взгляд, в церковной социальности и светской социальности [12, с. 203]. И одновременно с этим мы должны понимать, что существует диалектическая возможность развития данной сущности, которую мы рассматриваем как соборность на новом качественном уровне понятия в церковно-светской социальности [12, с. 203]. «Переход от одной формы явления к другой есть изменение», «качественное изменение формы жизни есть необходимый постулат, разрешающий противоречие о нормальном обществе» [12, с. 203]. По Флоренскому, изменение от одной формы жизни к другой будет проходить в истории, это необходимый результат человеческой деятельности. Церковно-светская социальность должна быть основана, на наш взгляд, если обратиться к мысли Флоренского, на религии [13, с. 549].

Флоренский отмечает, что мир светской социальности, или соборность на уровне сущности, — это лишь наличное состояние, возможность для реализации соборности в форме понятия в церковно-светской социальности, основанной на трех основных началах: христианской религии, христианской культуре, освященной природе [13, с. 550]. В церковно-светской социальности в соборности на уровне понятия все области жизни: искусство, философия, наука, политика, экономика не выступают самостоятельными сущностями, а строятся по «образу Христову» [13, с. 550]. По словам Флоренского, христианство не может быть пассивно в отношении мира, что присуще церковной социальности [13, с. 550]. В церковной социальности непосредственно происходит приобщение к Богу, христианин берет из мира все «сырьем», соборность основана на непосредственном [13, с. 550]. В церковно-светской социальности с необходимостью предполагается опосредствование в форме понятия соборности в философии, искусстве, экономике и других видах преобразовательной деятельности, церковно-светской социальности свойственна «преобразовательная» деятельность по пути к соборному единству, к жизни «в истине и любви», с постижением в «полнокровной жизненной среде» соборной истины [13, с. 550]. Флоренский пишет, что соборную жизнь Церкви Вселенской невозможно отождествить с жизнью отдельных ее членов или отдельных Церквей. «Целое больше суммы частей» [13, с. 554]. В выделяемой нами церковно-светской социальности различия в вероисповеданиях будут, по мнению Флоренского, приводить не к вражде, а к солидарности христианского мира, соборному единству [13, с. 554]. Сам термин «кафолический», соборный, по словам Флоренского, указывает на «интенсивность и качество», снимает, на наш взгляд, на уровне соборности как понятия «экстенсивный и количественный» характер оборотной стороны соборности, которую С. Н. Булгаков называет «стадностью», — светской социальности.

Церковно-светская социальность может нами пониматься исходя из слов С. Н. Булгакова — как «синтез» существующих церковной и светской социальностей [3, с. 207]. Идеальная цивилизация — это синтез, состояние «полной зрелости», где разворачивается «церковь-человечество, церковь-культура, церковь-общественность» [3, с. 207; 4, с. 477, 478]. Церковно-светская социальность, на наш взгляд, предполагает возрождение личности посредством христианского подвига «подвижничества» при содействии трансцендентных сил, которые, в свою очередь преодолевают трансцендентность по отношению к преодолевающей имманентности мира человеческой «соборной личности» [3, с. 417]. Человек, диалектически преодолевая состояние соборности как сущности, которая актуализируется в т. ч. и в религии человекобожества светской социальности, отрицает в себе человекобога и получает возможность реализовать через себя «обоженную тварь», «бога по благодати» [3, с. 417].

По Флоренскому, в церковно-светской социальности на уровне соборности как понятия снимаются противоречия светской социальности в соборности Церкви, где каждый из отдельных верующих, приходов начинает осознавать свою ограниченность, и в преодолении этой ограниченности формируется соборность, кафоличность [13, с. 555].

Понимание религиозной жизни как проявлений форм религиозной жизни ведет к соборности через «перемену образа мысли» и обдумывание, преодоление

заблуждений [13, с. 556]. Флоренский пишет, что на уровне соборности как понятия в основе иерархического принципа лежит то, что каждый действует на основе нормы, осознающей себя как безусловная правда и добро, целью становится возможность установления Богоуправления, или феократии [12, с. 198]. Такое единство является действительным, оно не ограничивает свободу элементов, связано с действиями, которые осуществляются по нравственным законам. На основе иерархического принципа «феократизма» вся жизнь определяется изнутри, подчиняясь, по словам Флоренского, вселенской Правде, и целое заключается в полном, закономерном единстве. Единство, по Флоренскому, — та причина, которая определяет сознание, правду и идеал [12, с. 198]. Феократия, которая, на наш взгляд, свойственна церковно-светской социальности, исходит из безусловного принципа нравственного действия, построена иерархично в соотносительности с абсолютным, Богом, исходя из трансцендентных оснований. Каждый человек в этом случае должен добровольно подчиняться для сохранения определенного общественного закона, который понимается как некое абсолютное безусловное добро. Из подчинения каждого этому безусловному закону следует и социальная иерархия, в которой каждый занимает предполагаемое ему место и не может быть заменен на этом месте никем другим. Существует закон, абсолютная Правда, равная Богу, следование которой абсолютно добровольно со стороны каждого человека. Трансцендентное основание закона и иерархии в обществе предполагает абсолютную свободу в подчинении Правде. Вследствие чего формируется «всечеловеческое общество», «общество вселенское» [12, с. 199]. Феократия возможна при безусловном добровольном действовании всех членов общества, если хоть один будет принужден к действованию по закону Правды, то феократия утрачивает свой бытийный статус [12, с. 200].

На наш взгляд, в текстах П. Флоренского и С. Н. Булгакова можно определить три уровня диалектического раскрытия категории соборности: соборность в форме бытия в церковной социальности, соборность в форме сущности светской социальности, возможное состояние соборности как понятия церковно-светской социальности. Соборности в форме понятия свойственны иерархичность, вынесение достижения ситуации соборности вне истории, или надисторичность, христианский индивидуализм, непосредственное общение с Богом, идея избранности, минимизация свободного действия, становление в процессе «странствования» особого типа «религиозной», по С. Н. Булгакову, или «духовной», «оплотненной», «открытой» личности, складывающейся в процессе «подвижничества», по П. Флоренскому.

Соборность в форме сущности — это отрицающая свое бытийное положение соборность, раскрывающаяся в форме светской социальности с такими дефинициями, как анархизм, имманентность и релятивность нравственных принципов, отрицание и враждебность по отношению к религии, отсутствие свободы, с формирующейся «греховной», «скрытой», «рыхлой», «коллективной» личностью, которая определяется в работах С. Н. Булгакова и П. Флоренского, у которой на первый план выступают «героизм» и «вечность», внерелигиозный индивидуализм, человекобожие, эгоизм, гедонизм, отсутствие понятия греха, внешний максимализм целей и средств, мессианизм и избранность.

Соборность в форме понятия складывается в диалектическом становлении посредством перехода соборности на новый качественный уровень своего развития в церковно-светской социальности. Для данной формы соборности свойственен принцип иерархизма, на основе которого по П. Флоренскому, складывается феократия, а в булгаковском «подвижничестве» — свобода действия свободной личности в исторической перспективе, с богочеловеческими ориентирами действия, основной ценностью является соборность, с трансцендентными основаниями нравственности, берущими начало в Боге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астапов С. Н. Антиномия в отрицательной диалектике П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка // *Научная мысль Кавказа*. — 2009. — № 1 (57). — С. 54–58.
2. Астапов С. Н. Основные проблемы философии религии в антиномическом дискурсе П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, А. Ф. Лосева // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. — 2010. — № 2. — С. 38–56.
3. Булгаков С. Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. — М.: Астрель, 2008.
4. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. — Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011.
5. Булгаков С. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017.
6. Булгаков С. Н. Христианский социализм: Споры о судьбах России. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991.
7. Гиренок Ф. И. Спор о Софии: С. Булгаков и П. Флоренский // *Философия хозяйства*. — 2013. — № 3 (87). — С. 103–112.
8. Горячев Д. Священник Павел Флоренский об антиномиях // *Вопросы богословия*. — 2019. — Т. 2, № 2. — С. 3858.
9. Егорова С. Б. Антиномизм П. Флоренского и современные интерпретации антиномизма // *Вестник Поволжской академии государственной службы*. — 2009. — № 1 (18). — С. 197–202.
10. Киреев В. К. Диалектика соборности. // *Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2008. — № 3. — С. 245–249.
11. Сенина О. В. Духовные искания С. Н. Булгакова и их отражение в его философской системе // *Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика*. — 2011. — № 1. — С. 40–43.
12. Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1994. — Т. 1.
13. Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2.
14. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. — М.: Правда, 1990.
15. Шевелёва Н. Б. Воззрения П. А. Флоренского на теократию и соборность // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции*. — 2013. — С. 145–149.
16. Gallaher B. A Supertemporal Continuum': Christocentric Trinity and the Dialectical Reenvisioning of Divine Freedom in Bulgakov and Barth // *Correlating Sobornost: Conversations between Karl Barth and the Russian Othodox Tradition*. — Minneapolis: Augsburg Fortress Publishers. — 2016. — P. 95–134.